

Е. Е. Дмитриева^{ab}

ORCID: 0000-0001-9692-8329

✉ katiadmitrieva@mail.ru

^a *Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН (Россия, Москва)*

^b *Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН (Россия, Санкт-Петербург)*

ФРАНЦУЗСКИЕ САЛОНЫ: ОТ СОЦИАЛЬНОГО РИТУАЛА К ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются различные функции, которые салон выполнял во Франции на протяжении XVII и XVIII вв.: форма аристократического и литературного досуга, место зарождения литературных и языковых новаций, культивирования искусства беседы, театральной игры и пр. Описаны различные типы салонов: аристократические, философские, литературные, политические, при этом показано, что четкой границы между данными типами не существовало. Особое место уделено роли, которую в истории салонов сыграли энциклопедисты, и тому, как изменилось функционирование салонов после 1793 г. и затем в эпоху Империи и Реставрации, когда салон из социального локуса, что подпитывал литературу, превратился в один из ее ностальгических сюжетов. Анализируются законы общежития и правила игры, которые позволяют оперировать понятием «салонная культура» и реконструировать ее гласный и негласный этикет (роль женщины-хозяйки и ее статус, ведение беседы, гостеприимство, словесные и светские игры, театральные представления, устраиваемые в салонах).

Ключевые слова: французские салоны XVII — первой трети XIX в., салонная культура, искусство беседы, салонные игры, салон как топос гостеприимства

Для цитирования: Дмитриева Е. Е. Французские салоны: от социального ритуала к литературной практике // Шаги/Steps. Т. 8. № 2. 2022. С. 102–123. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-2-102-123>.

Статья поступила в редакцию 29 ноября 2021 г.

Принято к печати 22 января 2022 г.

E. E. Dmitrieva^{ab}

ORCID: 0000-0001-9692-8329

✉ katiadmitrieva@mail.ru

^a A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

^b Institute of Russian Literature (Pushkinsky Dom),
Russian Academy of Sciences (Russia, St.-Petersburg)

FRENCH SALONS: FROM SOCIAL RITUAL TO LITERARY PRACTICE

Abstract. The paper examines various functions that the salon performed in France during the 17th and 18th centuries: the salon as a form of aristocratic and literary leisure, as a place of literary and linguistic innovations, cultivation of the art of conversation, theatrical play, etc. Various types of salons are considered: aristocratic, philosophical, literary, political, but it is shown that there was no clear boundary between these categories. Special attention is paid to the role that the encyclopedists played in the history of salons and how the functioning of salons changed after 1793 and again in the era of Empire and Restoration, when the salon turned from a social locus that was feeding literature into one of its nostalgic plots. The second part, *Signs of salon life*, analyzes the rules that allow us to operate with the concept of salon culture and to reconstruct its implicit and explicit etiquette (the role of a woman hostess and her status, conversation, hospitality, verbal and social games, theatrical performances arranged in salons). Such different authors as Stendhal, Balzac, Proust inscribe salons in the cultural memory of the nation, outgrowing the narrow limits of the world of aristocracy. In these new salons, the status of ladies who are no longer able to control public opinion is changing (Balzac). As a result, the art of conversation gradually loses its status as a practice of secular life, having also some literary ambitions.

Keywords: French salons of the 17th — first third of the 19th centuries, salon culture, the art of conversation, salon games, salon as a topos of hospitality

To cite this article: Dmitrieva, E. E. (2022). French salons: From social ritual to literary practice. *Shagi / Steps*, 8(2), 102–123. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-2-102-123>.

Received November 29, 2021

Accepted January 22, 2022

I. Салон как место аристократического и литературного досуга: эволюция форм и практик

Одна из проблем исторического осмысления бытования салонов и их функционирования заключается в том, что, хотя салонная культура, как считается, возникает во Франции в XVII в., переживает свой расцвет в XVIII в., существует на протяжении всего XIX столетия и последние яркие салоны мы встречаем еще в первые два-три десятилетия XX в., само слово *salon* начинает использоваться для обозначения одной из форм аристократического досуга лишь в самом конце XVIII в. Прежде это был архитектурный термин, обозначающий большую залу со сводчатым плафоном. Такие залы были характерным элементом интерьера королевских замков и аристократических особняков. Но постепенно они стали появляться и в городских особняках — как место, где принимают гостей, и вследствие метонимического переноса словом «салон» к началу XIX в. стали называть дома, в которых собиралось светское и артистическое общество — для беседы, игры, развлечений и т. д.¹

То, что мы ныне именуем салонами, до конца XVIII в. имело разные обозначения: «кружок» (*cercle*), «общество» (*société*), «высший свет» (*le monde*), «ассамблея» (*assemblée*), «содружество» (*compagnie*), «общество интеллектуалов — бюро д'эспри» (*bureau d'esprit*). Так что в строгом смысле слова говорить о салонах XVII и XVIII вв. есть некий анахронизм. Первое же употребление слова в качестве синонима «общества», «кружка» появилось лишь, кажется, в «Максимах и мыслях» (*Maximes et Pensées*) Шамфора в 1794 г. и с тех пор вошло в обиход.

Другая проблема разговора о салонной культуре носит скорее характер герменевтический: уж слишком по-разному истолковывалась история салонов на протяжении двух последних веков, когда стереотипы их восприятия приходили в столкновение с исторической реальностью их форм бытования, которую лишь в последнее время стали реконструировать на основе не сложившихся мифологем, но исторических и архивных источников².

Так, еще в 1870 г. в статье о салонах авторитетнейшего словаря «Ларусс» мы находим выражение нескрываемой радости по поводу уничтожения того, что в сознании большинства связывалось преимущественно с аристократической фривольной культурой Старого режима: салоны в это время трактуются как нечто противостоящее новым ценностям, республиканским и буржуазным [Larousse 1866–1875 (14), ст. «Salon»].

¹ На самом деле слово использовалось еще и как обозначение выставок картин, которые каждые два года устраивала Королевская академия живописи и скульптуры (впоследствии Академия художеств). Отсюда возникла еще одна метонимия: салон как описание картин (своего рода экфрасис), представленных на подобного рода выставке. Наиболее ярким примером таких описаний служат «Салоны» Дени Дидро [1989]. См. также: [Алташина 2015; Абашина 2015].

² Во Франции только с 1970-х годов историческая наука заинтересовалась салонами, их социальной и культурной ролью. Отсутствие к ним интереса в предшествующий период было во многом результатом отказа «новой критики» от «околобиографических» штудий [Lilti 2005: 7].

Но и в отношении эпохи Старого режима существует немало мифологем. Так, долгое время считалось, что салоны XVIII в. имели мало общего с салонами предыдущего столетия, являвшими собой по преимуществу форму аристократического досуга, в то время как в XVIII в. на первый план вышли философические дебаты. Представление это обнаруживает свою несостоятельность, стоит лишь вспомнить, что в XVII в. Отель де Рамбуйе (салон Рамбуйе), который так удачно (или неудачно?) спародировал Мольер в комедии «Смешные жеманницы» (1659) и который долго еще называли «французским Парнасом», культивировал не только «привычку во всем находить развлечение», как писал о том Таллеман де Рео [1974: 142], но и утонченность разума. А ведь именно в Отеле де Рамбуйе, называемом первым литературным салоном (он просуществовал с 1608 г. и до смерти Катрин де Вивонн, маркизы де Рамбуйе, в 1665 г.) зародился тот стиль (см.: [Торговкина 2005]), который и в последующие времена ассоциировался с салонным: стиль изящной беседы, игрового поведения, литературных и языковых новаций и пр. Тот же Таллеман де Рео вспоминал:

Дворец Рамбуйе представлял собой излюбленное место (...) развлечений и служил местом встречи для тех, кто слыл самым изысканным при Дворе или принадлежал к самым блестящим умам своего времени [Таллеман де Рео 1974: 142].

Завсегдатаями салона Рамбуйе были, в частности, Малерб, Ларошфуко, Декарт, Вуатюр, мадам де Лафайет, мадам де Севинье, Скаррон, Корнель, Ротру (см. подробнее: [Голубков 2017: 86–91]).

Анри Соваль, парижский адвокат и автор трехтомного труда по истории Парижа, еще в 20-е годы XVII в. констатировал, что именно на заседаниях в «Голубой гостиной», которую в те времена как раз и именовали «французским Парнасом», зародилась Французская академия:

В её (госпожи де Рамбуйе. — *Е. Д.*) Голубой гостиной каждый день собирався круг известных персон, а лучше сказать — Академия, ибо именно здесь исток Французской академии, а самая достойная и замечательная часть ее состава — из числа тех великих гениев, что собиравлись у маркизы [Sauval 1724: 201] (цит. по: [Голубков 2017: 91]).

При этом Соваль отделял изысканный салон Рамбуйе от того, что сам он называл «академиями ученых дам». Таковыми были в его глазах салон мадам де Гурне (Мари Ле Жар де Гурне, 1566–1645), писательницы и поэтессы, названной дочери Монтеня, готовившей к изданию его труды, и салон виконтессы д'Оши (урожд. Шарлотты де Юрсен, ок. 1570–1646), который исправно посещал Малерб. Салоны эти отпугивали иных ангажированностью дискуссий и лишенным элегантною педантизмом энциклопедического знания, которое позже также высмеет и раскритикует Мольер в комедии «Ученые женщины» (1672). К тому же в Академии виконтессы д'Оши, как называли ее салон, было еще и мнение (о нем великий комедиограф по какой-то причине умалчал), что развитию разума способствует не только разговор (беседа), но и пение. И потому лидирующей практикой общения в этой Академии оказалось

пение, которое в прециозных салонах маркизы де Рамбуйе и мадемуазель Скюдери мыслилось исключительно как развлечение. Виконтесса д'Оши, как иронически писал о ней Гёз де Балзак, «все сводила к пению строф и анти-строф», видя в этом некий мистический принцип синтеза познаний [Голубков 2017: 102].

Но и салоны XVIII в. отнюдь не являли собой нечто однородное. То, что на самом деле их объединяло с XVII веком, — это противостояние двору и одновременно конкуренция с ним. Как мы помним, салон Рамбуйе возник на волне противостояния двору Генриха IV, отличавшемуся далеко не самыми утонченными манерами. Салоны раннего XVIII в. создаются уже отчасти по модели версальского двора, являя собой своего рода Версаль в миниатюре. Однако по сравнению с Версалем они расширяют свой круг посетителей: доступ в них получали не только аристократы и литераторы, но и ученые, артисты, художники, все, кто был открыт разнообразным новым идеям. Как писал Норберт Элиас, салоны (сам он употреблял термин «аристократические кружки») знаменовали собой децентрализацию светской жизни, которая прежде сосредоточивалась при дворе [Элиас 2002: 101–102].

Так, салон герцогини дю Мэн (урожд. Анны Луизы де Бурбон-Конде, 1676–1753), внучки великого Конде, который исторически правильнее называть двор *Co (la cour de Sceaux)*, возникает в начале XVIII в. как островок свободы, противостоящий набожному и печальному двору стареющего Людовика XIV³. Замок Со, построенный Клодом Перро (братом Шарля Перро), становится салоном именно в том значении, которое позже будет вложено в это слово: интеллектуалы собираются здесь вокруг Фонтенеля, своей харизмой и умом привлекающего ко двору герцогини равно ученых и поэтов. Здесь устраиваются грандиозные праздники, разыгрываются спектакли по пьесам, специально для этих праздников написанным, ставятся оперы (в историю все это вошло как «знаменитые ночи Со»). Политические игры герцогини, интриговавшей с Испанией, и огромные траты на празднества положили на время (в эпоху Регентства) конец этому салону, но он возродился в 1720 г., на этот раз уже как преимущественно литературный. Его по-прежнему посещали Фонтенель и Удар де ла Мот; Вольтер с 1746 по 1750 г. нашел в Со себе пристанище и там сочинил, в частности, «Задига» (1747), играя сам в написанных им пьесах.

Двор Со, просуществовавший до 1753 г. (год смерти герцогини), был цитаделью высокой аристократии и потому действительно всерьез мог конкурировать с версальским двором. В самом же Париже конкуренция салонов с Версалем была скорее символической: в первой половине XVIII в. самыми знаменитыми салонами стали салоны маркизы де Ламбер (урожд. Анны-Терезы де Маргенат де Курсель, 1647–1733) и мадам де Тансен (Клодины Александрины Герен де Тансен, 1682–1749). Собрания первого проходили в особняке на улице Ришелье и носили ярко выраженный великосветский характер (так называемый стиль *grand monde*). Салон мадам де Тансен, который исто-

³ Своеобразный парадокс этого противостояния заключался еще и в том, что мужем герцогини дю Мэн был Луи Огюст де Бурбон, герцог дю Мэн, один из незаконных сыновей Людовика XIV и мадам де Монтеспан, что отчасти делает объяснимыми и те политические интриги, которые среди прочего затевались в салоне.

рически именовался *бюро д'эспри* (*bureau d'esprit*) и начало существования которого относится к 1726 г., отличался, как и его хозяйка⁴, гораздо большими свободой и социальным разнообразием своих завсегдатаев. Это был к тому же и первый космополитический салон, куда вход был открыт для иностранцев, а также для артистов.

Салон этот просуществовал до 1749 г. (год смерти мадам де Тансен), но, в сущности, и далее продолжал свое существование, хотя уже с другой хозяйкой, Мари-Терез Жоффрен (урожд. Мари Терез Роде, 1699–1777), женой богатого финансиста, когда-то близкой подругой мадам де Тансен, чьи традиции она и старалась продолжать.

Уже наступало время энциклопедистов, влияние идей которых существенно сказалось и на салонах, определявших себя отныне через отношение к философии Просвещения. Не только мадам Жоффрен, вышедшая из буржуазных кругов, но и большинство аристократических салонов открыли свои двери философам, невзирая на их социальный статус. Один лишь салон маркизы дю Деффан (урожд. Мари де Виши-Шамрон, 1697–1780) оставался для них закрытым. Маркиза ощущала себя еще представительницей почти прошлого столетия (ее салон существовал с 1749 г.), в юности она была участницей «ночей Со», ей нравились классическая литература и эстетика, она любила стихи на случай и игру в портреты (см. ниже), которые были в большой моде на ассамблеях Со. Гораздо менее она была расположена к философским дебатам, а также не любила парвеню, каковыми почитала большинство энциклопедистов. Зато ее салон на улице Сен-Доминик в бывшем монастыре Дочерей Св. Иосифа (Couvent des Filles de Saint-Joseph) был открыт зарубежным дипломатам, наиболее известные из них — Гораций (Хорес) Уолпол (автор «Замка Отранто»), с которым ее связывали любовно-дружеские отношения, и русский дипломат Андрей Шувалов.

Что касается мадам Жоффрен, то ее саму можно было почесть за парвеню. Но при этом благодаря своему уму и харизме она умела привлечь в свой салон людей, которые по своему положению были гораздо ее выше. Она была личным другом Станислава Понятовского, будущего короля Польши (см.: [Poniatowski 1875]). Но одновременно покровительствовала философам, а для художников учреждала пенсии, заказывала картины и обустривала мастерские.

Судя по мемуарам, Жоффрен обладала характером весьма деспотическим: завсегдатаев своего «царства» на улице Сент-Оноре она жестко делила на три категории: по понедельникам она принимала актеров, художников, скульпторов; по средам — литераторов и ученых, среди которых были Дидро, д'Аламбер, Мармонтель, Гольбах; в остальные вечера — представителей высшей знати и высокопоставленных дипломатов, но исключительно представителей мужского пола. Гендерное исключение составляла ее компаньонка, племянница маркизы дю Деффан Жюли де Леспинас (1732–1776), «муза эн-

⁴ Личность мадам де Тансен вообще была примечательна: монахиня, нарушившая обет, но получившая на то формальное разрешение папы Римского, ставшая затем куртизанкой, принятой, однако, великосветским обществом, в том числе и в салоне маркизы де Ламбер, она сама держит салон, в который после смерти де Ламбер переходят множество ее знаменитых посетителей, и начинает писать высоконаравственные романы. Ее незаконнорожденным сыном был математик д'Аламбер.

циклопедистов», которая позже (с 1766 г.) сама стала хозяйкой одного из наиболее модных салонов 1760–1770-х годов. Именно ее Дидро сделает главным собеседником и оппонентом философа в своем «Сне д'Аламбера» [Дидро 1941: 154–192].

При этом разделение салонов дореволюционной эпохи на литературные и аристократические, как и другое нередко встречающееся деление на литературные и политические, на самом деле весьма условно. Тем более что круг их завсегдатаев нередко пересекался [Lilti 2005: 125]. Характерная черта салонов 1770–1780-х годов (в отличие от первой половины XVIII в.) — отсутствие ярко выраженного между ними соперничества (хотя подспудное, разумеется, имело место). Одновременно и факт посещения тем или иным литератором того или иного салона свидетельствовал скорее о характере его светских связей, чем конкретно о его взглядах и идеологической позиции. Одни и те же люди могли посещать разные салоны, и в целом можно говорить о победе в них партии энциклопедистов, для которых, как писал Хабермас [2017], именно культ салонной вежливости и галантности становился средством избежать слишком яростных конфликтов.

Столь же сложно было определить и идеологическую направленность салонов, поскольку светские связи и отношения оказывались порой важнее литературных и интеллектуальных пристрастий. Аристократические гости могли бывать в салонах выходцев из финансовой буржуазии (например, мадам Жоффрен). А литературные вопросы широко обсуждались и в аристократических салонах. Исключение, пожалуй, составлял салон герцогини де Граммон (урожд. Беатрисы де Шуазель-Стенвиль, 1729–1794), сестры герцога Этьена Франсуа де Шуазёля, пэра Франции, бывшего (с некоторым перерывом) в 1758–1768 гг. одним из наиболее влиятельных министров и дипломатов Людовика XV (сама герцогиня в 1760-е годы претендовала на титул официальной фаворитки короля). Это был первый собственно политический салон: он представлял собою род тайного комитета, куда каждый являлся с отчетом и где велись рассуждения о государственных делах. В 1794 г. во время якобинского террора герцогиня де Граммон была гильотинирована.

Предреволюционная эпоха и первые годы революции

Предреволюционную эпоху во Франции определяли салоны Фанни де Богарне (урожд. Мари-Анн-Франсуаз Мушар, 1737–1814), графини де Жанлис (урожд. Мадлен Фелисите Дюкре де Сент-Обен, 1746–1830), мадам Гельвеций (урожд. Анн-Катрин де Линьивиль, 1722–1800). Последний был известен также как «Общество д'Отей» (Société d'Auteuil), членами которого были в том числе Кондиллак, Тюрго и Гольбах. Среди тех, кто держал свои салоны в эту эпоху, следовало бы вспомнить мадам де ла Ферте-Эмбо (урожд. Мадлен д'Анженн, 1715–1791, супругу маршала Ла Ферте-Эмбо и дочь мадам Жоффрен); экономиста и члена «Партии философов» аббата Морелле (1727–1819); графиню де Буффлер (урожд. Мари-Шарлотт де Кампе де Сойон, 1724–1800); графиню де Флао (урожд. Аделаид Фийель, 1761–1836, во втором браке — мадам де Суза), бывшую по слухам незаконной дочерью Людовика XV, чьи романы пользовались в свое время популярностью; мадам де Кондорсе, жену

знаменитого математика (урожд. Софи де Груши, 1764–1822), чей салон считался «центром всей мыслящей Европы»: здесь бывали самые выдающиеся ученые, в том числе иностранного происхождения. А также танцовщицу Жюли Тальма (1756–1805), в прошлом супругу актера: ее салон посещал молодой Бонапарт и, по легенде, руководил оттуда переворотом 18 брюмера.

Немало написано (и об этом свидетельствуют мемуары) о том, что салоны в последние предреволюционные и первые революционные годы становились местом, где решались политические судьбы. Таков был, в частности, салон мадам Неккер (урожд. Сюзанны Кюршо, 1737–1794), расцвет которого относится ко второй половине 1770-х — началу 1780-х годов и который начинают посещать бывшие завсегдатаи салонов мадам Жоффрен и мадемузель де Леспинас, умерших соответственно в 1776 и 1777 гг. Именно тогда салон госпожи де Неккер (для нас особо интересный еще и тем, что он стал почвой, на которой взроста та, кто сама стала определять салонную жизнь уже XIX в., а именно госпожа де Сталь) превратился в место политических и экономических дискуссий. Направление же этих дискуссий неявно определял муж хозяйки, последний министр Людовика XVI Жак Неккер. Впрочем, ситуацию можно описать и иначе: восхождение Неккера, уроженца Женевы, прославившегося, в частности, тем, что он сумел с помощью займов покрыть расходы на участие Франции в американской войне за независимость (1775–1783), в возрасте 44 лет ставшего советником в ведомстве финансов, а через год оказавшегося во главе этого ведомства [Блуменау 2003], активно поддерживала «философская партия» (Гримм, Рейналь, Гиббон, Мармонтель) завсегдатаев салона его жены, дочери швейцарского пастора, ставшей хозяйкой одного из самых блестящих светских салонов предреволюционной эпохи. «У меня нет литературных новостей, — пишет в 1787 г. госпожа Неккер. — Беседа уже более не в моде; кризис слишком силен: не предлагаю и партию в шахматы, играть которую грешно, стоя на краю пропасти; наше внимание обращено на совершенно иные вещи...» [Necker 1798 (2): 153] (см. также: [Bredin 1999]).

По-разному историки оценивают то, что происходило с салонной культурой во время революции. Одни говорят о радикальной политизации салонов и их преобразовании в политические клубы. Таким был, например, 50-й павильон Аркад Пале-Рояля, в котором финансист Жозеф Окан (Aucane) обустроил игровую академию (а попросту игорный дом), выполнявшую одновременно и функцию политического клуба (см. ниже). Другие полагают, что клубы на самом деле не вытеснили салоны, но лишь стали еще одной формой социальной жизни. Салоны же, которые пока еще продолжали именоваться кружками, теперь стали различаться своей политической ангажированностью.

Но существует еще одна версия событий, объясняющая активизацию салонной жизни в первые послереволюционные годы: литература и театр, освободившиеся от давления цензуры Старого режима (1789), становятся теперь предметом особенно оживленных салонных дискуссий, тем более что и сами авторы оказываются более вовлеченными в политику, чем ранее. Театральные пьесы Антуана-Венсена Арно, Мари-Жозефа Шенье и др. составляют своего рода «аккомпанемент» движению идей, и в этом смысле салоны ранней революционной эпохи были не принципиально новым этапом, но скорее про-

должением великой традиции салонов XVII и XVIII вв. В особенности после того как были восстановлены права человека, а в 1795 г. отменен закон о подозреваемых (*loi des suspects*), очень многие салоны переживают своеобразный ренессанс⁵.

Иногда салоны этого времени подразделяют на революционные и контр-революционные. Первую тенденцию демонстрируют еще существующие после 1789 г. салоны мадам Гельвеций, Фанни де Богарне и Манон Ролан (1754–1793), жены экономиста и министра Ж.-М. Ролана де ла Платьера, которую называли «эгерией жирондинцев» (погибла на эшафоте в 1793 г.). Республиканскими симпатиями отличался салон блестящей Луиз-Фелисите де Керальо (1757–1821), по мужу — мадам Робер, первой женщины-журналиста во Франции. И напротив, в салонах фаворитки Марии-Антуанетты герцогини де Полиньяк (урожд. Иоланд Мартин Габриэль де Поластрон, 1749–1793)⁶, графини де Брионн (урожд. Луиз-Жюли-Констанс де Роан-Рошфор, 1734–1815) и герцогини де Вилльруа (урожд. Луиз-Констанс д’Омон, 1732–1816) искались способы саботировать деятельность Генеральных Штатов. Некоторые дамы, несмотря на сгущающиеся над ними тучи, в это время держат еще и откровенно промонархический салон: такова герцогиня де Граммон, имевшая репутацию дамы властной и все еще влиятельной, продолжавшая вплоть до своего ареста (см. выше) активно участвовать в политике. В ее доме вынашивались контрреволюционные планы, в том числе и план вывоза из страны королевской семьи [Blanc 2006].

Переломным становится лето 1792 г., озаменованное окончательным падением монархии. Те, кто остаются во Франции, стараются не привлекать к себе особого внимания. Существует версия, что исчезновение салонов в период с 1792 по 1795 г. было связано во многом еще и с якобинской политикой, противившейся самой идее «регулярного гостеприимства». А процесс мадам Ролан, в итоге попавшей под нож гильотины (см. выше), положил конец последнему салону революционной эпохи [Lilti 2005: 403].

Начало долгого XIX века

Жизнь салонов, дискредитированная после 1792 г., оживает после Термидорианского переворота (1794) и в особенности в эпоху Директории, т. е. с 1795 г. Некоторые участники и действующие лица этой воскресшей светской жизни хорошо знали общество Старого режима и прокламировали себя его продолжателями. Среди них была графиня Румфорд (урожд. Мари-Анн Пьеретт Польз, 1758–1836, в первом браке Лавуазье, 1743–1794), державшая по понедельникам «последний салон XVIII в.», в который был вхож будущий великий историк Гизо, а также дочь госпожи де Неккер мадам де Сталь [Winock 2010]. Именно в это время окончательно получает право гражданства и само понятие *салон*.

⁵ К ним относятся и упомянутые выше салоны Софи Кондорсе на площади Бурбон, Жермены де Сталь на улице дю Бак, а также салон Жюли Тальма.

⁶ Фигурирует как заглавный персонаж в романе анонимного автора «Французская Мессалина, или Ночи герц.... де Пол..... и таинственные приключения пр.... д’Э и» [Делон 2013: 523–550].

В литературном отношении наиболее примечательным салоном эпохи Консульства (1799–1804) был салон Полины де Бомон (урожд. де Монморин, 1768–1803), просуществовавший, однако, не слишком длительное время. За-всегдаемыми этого салона, в котором сохранялась старая традиция давать прозвища посетителям, были Шатобриан (в ту пору возлюбленный Полины де Бомон), его соперник моралист Жозеф Жубер, безнадежно влюбленный в хозяйку, будущий министр юстиции (во времена Реставрации) Этьен-Дени Паскье и др. В это время наблюдается и определенный политический раскол внутри салонов: салоны роялистов противостоят салонам бонапартистов, хозяйки которых нередко оказываются женами государственных министров Франции эпохи Консульства, а затем и Наполеоновской империи. Бонапарт после расторжения Амьенского мира арестовал и выслал из Парижа (Франции) некоторых дам Сен-Жерменского предместья, чьи салоны стали местом особой политической активности (мадам де Дамá и мадам де Шампсене). Существует даже точка зрения, что при Наполеоне I, когда политическая свобода во Франции была сильно стеснена, салоны потеряли свое прежнее значение, а единственной приманкой стала в них женская красота. В таком случае вспоминают о салонах мадам Рекамье (урожд. Жюли-Аделаид Бернар, 1777–1849), имевшей репутацию «иконы стиля» во времена Империи, и мадам Ремюза (урожд. Клер Элизабет Жанн Гравье де Верженн, 1780–1821), оставившей яркие мемуары о наполеоновской эпохе [Ремюза 2011]. Впрочем, красота Жюльетты Рекамье, одной (вместе с Жозефиной Богарне и мадам Тальен) из трех граций этого периода, не уберегла ее. Подобно ее подруге Жермене де Сталь, тоже пострадала от последствий своего противостояния новому императору, и салон ее на некоторое время прекратил существование в результате финансового краха мужа и ее высылки из Парижа, когда она некоторое время спасалась в швейцарском замке госпожи де Сталь, ставшем поистине европейским космополитическим салоном первых двух десятилетий XIX в. [Дмитриева 2021].

II. Приметы салонной жизни

Как ни велика эволюция, которую на протяжении двух с половиной веков пережили салоны и то, что ныне мы называем салонной культурой, было нечто общее, объединявшее повседневность салонов XVII в. с салонами XVIII и даже XIX в., — те общие правила игры, законы общительности, которые позволяют оперировать понятием «салонная культура» и реконструировать ее гласный и негласный этикет.

Кто есть хозяин салона? (вопрос гендера)

Существует устойчивое представление, что салоны — явление исключительно женского мира. Предполагается, что в салоне должна быть хозяйка; недаром самым первым признанным салоном был салон маркизы де Рамбуйе. А также, что, будучи неотъемлемой частью интеллектуальной и социальной жизни Франции, салоны организуются вокруг представительниц аристократических кругов, озабоченных тем, чтобы собрать вокруг себя все, что есть самого значительного в обществе, и создать свой «малый двор».

На самом деле мы знаем случаи, когда салоны держали мужчины: то были аббат Морелле, принимавший в первые послереволюционные годы «по четвергам», или уже упомянутый выше Жозеф Окан. Позже — историк Гизо. Но даже тогда, когда салон держал мужчина, в нем все равно царила женщина, как правило любовница хозяина (например, маркиза де Парабер (1693–1755) в салоне Филиппа Орлеанского) или же его дочь (вспомним один из салонов романтической эпохи — Шарля Нодье). Такую женщину в те времена называли *maitresse de la maison* (новый термин *salonière*, в последнее время широко используемый, — гораздо более позднего происхождения). Когда же салон открывался в доме супружеской пары, муж играл в нем менее значительную роль, чем жена. В отношении дамы, не являвшейся хозяйкой дома, но принимавшей в нем гостей, говорилось, что она «fait les honneurs de salon»⁷.

Объясняется это явление, как представляется, двумя факторами. Во-первых, ролью женщины как ретранслятора одновременно и знания, и искусства жизни (так называемого *savoir-vivre*). И, во-вторых, наличием у нее досуга, большего, чем у мужчины (так называемая *disponibilité*).

Если французская знать вплоть до правления Людовика XIII отличалась низким уровнем культуры (хорошее образование не было необходимостью в военном деле [Snyders 1964]), а образованность ученых мужей (философов, литераторов) нередко была чревата педантизмом, то именно женщина начиная с XVII в. становится носителем мудрости, преподаваемой однако в легкой и изящной форме. Так, аббат де Пюр, автор романа «Прециозница, или Тайна алькова», писал: «Лишь один-единственный разговор с нею [Дамой] более полезен, нежели чтение самых наилучших книг, он наполняет разумением более, нежели споры учёных мужей» (цит. по: [Голубков 2020: 103]).

Подобное положение вещей сохраняется еще долго (см.: [Носко 2020]). Именно женщина культивирует стиль общения, определяемый как стиль *honnête homme / honnête femme*, — правила благородства, социальной условности (*convention sociale*), принципиально важные для эпохи Старого режима, отголоски которых все еще слышатся на протяжении всего XIX в. (их можно услышать даже в знаменитой сцене из «Войны и мира» Л. Н. Толстого — в описании салона Анны Павловны Шерер)⁸.

⁷ Традиционно выражение *faire les honneurs de salons* переводится как «принимать гостей», но этимологически в нем все же подспудно присутствует смысл «оказывать честь». Подобную «честь» — а попросту задачу собирать игроков в его Аркады (см. выше), — оказывала Жозефу Окану его любовница Жанна-Луиза-Франсуаза де Сент-Амарант (1751–1794), вынужденная после исчезновения своего мужа искать иные средства существования себе и своим дочерям. Однако этот пример — разумеется, уже особого рода.

⁸ Здесь важно отметить, что женщине отводилась роль именно устного ретранслятора знаний: писать и тем более публиковать долгое время считалось для дамы неприличным, а если кто-то это и делал, то непременно под псевдонимом. Так и мадам Неккер, будучи, как и ее дочь, литературно весьма одаренной, писала, но по совету мужа ничего не публиковала, дабы не быть в глазах света смешной. Что касается ее дочери госпожи де Сталь, то в юности она некоторое время следовала совету своих наставниц и старалась не появляться в свете в качестве «ученой жены». Впоследствии ее желание совмещать функцию хозяйки салона и женщины-автора (стратегия, которую она всячески защищала) навлекли на нее, как, впрочем, и на графиню де Жанлис, демонстрировавшую сходный тип поведения, немало насмешек.

Держать салон подразумевало не только досуг, но и финансовые возможности (именно поэтому при всей автономности хозяйки салона негласное согласие мужа при том все же предполагалось, если только она не была с ним в разводе). Самое выгодное положение было у вдовы: при Старом режиме это был единственный статус, при котором женщина обладала юридической и финансовой независимостью (такой была, например, госпожа дю Деффан). Выгодным было и состояние *séparation* (раздельного проживания супругов, случай Фанни де Богарне). Незамужняя хозяйка салона Жюли де Леспинас — скорее исключение из правил. Вообще же случаи, когда дамы начинали держать салон в раннем возрасте, довольно редки. Для этого занятия требовались и определенный жизненный опыт, и опыт самой светской жизни (см.: [Heyden-Rynsch 1993]).

К тому же женщина в силу своего гендера была в социальной иерархии более независимой, чем мужчина. Это, в частности, связано с ее ролью прежде всего хозяйки — той, которая угощает гостей, будь то обедом и ужином или же занимательной беседой, а чаще — и тем и другим (см. также: [Носко 2015; Бакаева 2014]).

Гостеприимство и беседа

Вообще же салон являл собой странное гибридное пространство: открытое и вместе с тем закрытое, не интимно-частное, но и не публичное. И все же как бы ни пытаться его охарактеризовать, в первую очередь он выступал как пространство кодифицированного гостеприимства. Но именно поэтому всякий разговор о салоне предполагает и ответ на ряд вопросов, носящих характер в том числе материальный. Каковы были условия журфикса? Кто принимал и за чей счет? Как приглашали гостей? Какой должна была быть обстановка в салоне? (А ведь известно, и об этом не раз говорил даже Гёте, писатель отнюдь не салонный, что тон беседы может меняться в зависимости от цвета гостиной и что определенного стиля мебель более располагает к беседе, чем иная.)

В салонах, как правило, кормили. Обедом или ужином либо и тем и другим. О салоне Гельвеция, например, Гиббон писал, что гостей к нему привлекал не только острый ум философа, не только его красивая жена, но и один из лучших столов Парижа. Салоны, посещаемые литераторами, были не менее требовательными в отношении гастрономии, чем аристократические. Кажется, именно литераторы пустили слух о том, что салон мадам Неккер превосходит остальные лишь наличием хорошего повара [Lilti 2005: 232].

Впрочем, когда хозяйка салона испытывала финансовые сложности, это вынуждало ее ограничивать и круг лиц, имевших доступ в салон, и количество подаваемых блюд. Со временем часы обеда и ужина становятся все более поздними. К концу XVIII в. ужинали в 10 часов вечера, а обедали в четыре часа пополудни.

Принимать могли в столовой или гостиной, реже в будуаре. В гостиной находилось большое количество стульев (вариант — кресел). Так, госпожа де Сталь специально перевезет уже в начале XIX в. в Коппе кресла из дома своего отца в Версале, чтобы иметь возможность принимать большое количество гостей. Зимой посетители салона располагались, как правило, вокруг камина: женщины сидели, стоявшие подле них мужчины образовывали круг.

Попасть в салон благодаря одним талантам было невозможно — это был медленный процесс социального признания. Получить первый раз доступ в него можно было тремя способами: 1) быть непосредственно приглашенным хозяйкой салона. Так, Дидро сообщает Софи Волан: «Здесь мадемуазель Неккер, хорошенькая женщина и острый ум, которая жаждет меня. Она меня просто преследует, чтобы заполучить к себе» (письмо от 18 августа 1765 г. [Diderot 1876: 170]); 2) быть представленным хозяйке одним из его завсегдатаев; 3) иметь рекомендательное письмо. И все же сезамом иногда могла послужить книга или пьеса.

На лето жизнь в Париже затихала, что тоже отражалось на салонах. Впрочем, богатые аристократы и финансисты имели в предместье Парижа свои резиденции, которые назывались *campagnes*. Порой в них устраивались роскошные праздники, как в резиденции Конти в Л'Иль-Адаме или Конде в Шантийи. При этом загородные резиденции являли собой особую проблему для менее именитых гостей, в частности литераторов, поскольку чтобы попасть туда, даже завсегдатаю того или иного салона надо было быть специально приглашенным.

Обычаи салона

Еще одно расхожее представление: основным занятием в салоне была беседа. На самом деле беседа прекрасно сочеталась и с гастрономическими удовольствиями, и с игрой в карты, а также с концертами и постановками театральных пьес. Игра как часть придворной жизни вошла в обиход еще при Людовике XIV. Вовенарг говорил, что обществу нужна игра, чтобы не оказаться визави с кем-то, кому тебе нечего сказать. В том же стиле остряла позже и мадам де Сталь в письме к королю Густаву III (11 ноября 1786 г.), утверждая, что «игра — это единственный секрет, который был найден, чтобы развлечь собравшихся вместе людей. Самая большая радость хозяйки дома — освободиться от всех тех, кто собрался у нее, усадив их за игру в *quinze* или *трик-трак*» [Staël 1962: 138].

За подобной потребностью в развлечениях стояла на самом деле необходимость не оставаться в одиночестве. Мир скучающий и мир развлечений — две стороны одной медали, и в салонах делалось все возможное, чтобы избежать скуки (это был один из лейтмотивов, например, салона госпожи дю Деффан, которая, по преданию, предпочитала провести вечер с людьми ей неприятными, нежели оставаться одной). Но и в отношении гостей это правило тоже работало: быть скучным — значит исключить себя из общества. Именно с этим связано присутствие в салонах людей искусства, которым вменялось в правило развлекать.

Собственно, именно с этим связана та роль, которую литература играла в развлечениях светской элиты. Литература становится основанием жизни салона, а писатели, его посещающие, обеспечивают ее престиж. Именно этой теме была посвящена первая крупная выставка, организованная в 1927 г. парижским музеем Карнавале. Она носила название «Великие литературные салоны» (*Les grands salons littéraires*) и, судя по отзывам критики, вся была пропитана ностальгией «по чему-то, что исчезло навсегда и что мы больше никогда не увидим (<...> той рафинированности, имя которой салон» [Batiffol, Gillet

1927: 9]. Очевидно, что устроителей выставки интересовала не столько светская составляющая салонов, сколько литературная: так, в каталоге выставки портрет хозяйки того или иного салона представлял, как правило, в окружении автографов знаменитых писателей.

Словесные игры

Но и сами писатели могли рассматривать салонную беседу, а также все, что с ней было связано, как род литературного творчества. Так, Сент-Бёв в свое время утверждал, что не салоны являют собой литературную практику, скорее литература есть практика светской жизни.

Конечно, салонная беседа в очень сильной степени способствовала выработке эзопова языка: надо было уметь сказать все и ничего не сказать, показать свой ум, но при этом не показаться педантом, угадать подспудные желания своего собеседника, но не дать ему о том понять. Собственно, все это и входило в кодекс *honnête homme* [Дмитриева 2011: 106–119]. Салонная беседа, особенно в классическую эпоху существования салонов, не была обменом мнений в прямом смысле слова: в ней ничто не было прозрачным. Она была искусством казаться (*art de paraître*), где каждый судит и знает, что судим. Но все это должно было сочетаться с естественностью, которая и была пресловутым «искусством властвовать собой», приобретаемым лишь с опытом.

Обычно выделяются три формы языковой деятельности в салоне: собственно беседа, переписка и поэзия. В отношении последней следует признать, что прежде чем стать игровым жанром, тем, что называется *roésie de société*, это было социальной деятельностью, которой управляли законы светского общества. Малейшее событие могло стать поводом для стихотворения. К тому же салонная поэзия выступала еще и как род «подарка» — похвалы, лишенной грубой лести, стихотворного портрета и пр. [Lilti 2005: 284–285]

Что касается салонной беседы, то изучение ее представляет немало трудностей, ибо непростая задача написать историю того, что не материально, передается из уст в уста и имеет смысл лишь в контексте устной речи. В настоящее время для историка существует три основных пути исследования светской беседы: 1) изучение норм беседы по трактатам, поэтикам, риторикам, в результате чего создается идеальный образ беседы, но уверенности в том, насколько он воплощался в жизнь, нет; 2) изучение и анализ светских диалогов в том виде, в каком они предстают в романах (см.: [Fumaroli 1993]); 3) изучение следов устной беседы в переписке и мемуарах.

Проблема последнего способа в том, что и переписка, и мемуары фиксируют, как правило, наиболее яркие моменты беседы, воплощенные в остротах (*bon-mots*), афоризмах и пр. (см., в частности: [Шульман 2011; Seibert 1993: 254–264]). Именно поэтому эта сторона салонной беседы известна нам более, чем все остальные.

Таким образом, салонная беседа предстает не в последнюю очередь как искусство шутить и делать комплименты. Веселость, имеющая все ту же цель — изгнать скуку, — в разговоре принимает форму *bon-mot* или удачной шутки. Остроумное высказывание имеет две цели: развлечь других и одновременно вызвать к себе уважение, позволяет блистать не утомляя, предполагает

чувство языка и владение им. Особая роль остроот заключалась дополнительно в возможности их трансляции и циркулирования. «Остроты, — пишет мадам де Сталь Густаву III 15 марта 1786 г., — есть событие в Париже. Они становятся объектом беседы в течение нескольких дней» [Staël 1962: 65]. Они передаются в переписке и создают репутацию салону, в котором царит столь остроумная атмосфера. Известно, например, что мадам Жоффрен любила цитировать остроот Севинье, уже тогда напечатанные отдельным сборником под названием «Sevigniana».

Остроты включали в себя и каламбуры, в основе которых нередко лежал фонетический экивок. Их функция могла быть различной: существует рассказ, передаваемый в разных версиях, о том, как остроот Талейрана открывали ему двери в салоны (историю эту излагает, в частности, Сент-Бёв). Острота позволяла резко и вместе с тем вежливо закончить длинную, скучную (философскую) беседу. Вопрос, как совместить в светской жизни требование веселости с заботой о соблюдении приличий, оставался при этом одним из основных. Поэтому салонная остроота противостояла, как правило, конкурирующим фигурам сатиры и колкого выпада (*folie*). Впрочем, в законы и правила благородного человека входило и умение воспринять шутку, даже если она отчасти направлена на него самого.

Особой формой остроот был так называемый *persiflage* — нечто среднее между пересмеиванием, насмешкой, подшучиванием, издевательством и мистификацией (об эволюции понятия см.: [Bourguinat 1998]) — адресованный, как правило, тому, кому не ведомы правила светского общежития. Само слово происходит от имени театрального персонажа Персиваля (Парцифалья), изъяснявшегося на непонятной тарабарщине. В светском общении *persiflage* состоял в том, чтобы произнести похвальную речь, иронический подтекст которой был бы понятен всем, кроме того, к кому она обращена. С этим связана и фиксация в переписке и мемуарах случаев неловких ответов на остроот, что тоже становилось обсуждением дня.

Еще одним элементом салонной беседы было искусство рассказывания, маленький светский спектакль, который разыгрывался для общества и позволял каждому высказаться по его поводу. Известный аббат Гальяни, например, особо славился импровизациями апологов и оправданиями парадоксов, позволяющих весело защитить неожиданный тезис (см.: [Вольперт 2004]). Мармонтель о нем говорил: «Не было ничего ни в политике, ни в морали, о чем у него не было бы сказки, которую бы он мог рассказать» [Marmontel 1891: 97].

Подобные рассказы превращали всех в зрителей, а затем и в актеров, что отвечало еще одной стороне салонных развлечений — театру. Например, в салоне мадемуазель Кино (Жан-Франсуаз Кино-младшей, 1699–1783), заведателем которого входили в так называемое «Общество на краю скамьи» (*Société du bout du banc*), практиковалась особая форма игры, где каждый должен был написать сказку, и сказки эти были изданы затем отдельной книгой под названием «Сборник этих господ» (*Recueil de ces Messieurs*, 1745)⁹ (см.: [Hellegouarc'h 2000: 305–311]).

⁹ За указание на данный и ряд других источников выражаю искреннюю благодарность В. А. Мильчиной.

Сошлемся вновь на (остро)умную Сюзанну Неккер, чьи суждения восходят на самом деле к теории драматического искусства Дидро: «Беседа весьма отлична от мысли: мысль есть реальность, а беседа есть спектакль» [Necker 1798 (1): 66–67].

Театр и музыка

Серьезность и веселость, прециозность и светская болтовня (так называемый *badinage*), поэзия и пародия, философия и театральность поведения, сопровождающаяся игрой в театр, — таковы разнообразные грани салонной литературной практики.

Что касается театра, следует различать публичные спектакли и спектакли, разыгрываемые в салонах, где актеры и публика составляли единое целое. Как писал еще в конце XVIII в. Луи-Себастьян Мерсье, «...в свете играют комедию не из любви к ней, но исходя из тех взаимоотношений, которые создают роли. Какой любовник отказался бы играть Оросмана? И самая пугливая красавица не мечтает ли о роли Нанины» [Мерсье 1935: 255].

Тема салонного театра как транслятора любовных отношений отразилась во множестве анекдотов и даже составила сюжет пьесы (драматической поговорицы) Кармонтеля «Комедия без актеров» (1775), своего рода *mise en abyme*¹⁰, в котором соположенными оказывались талант любить и талант изображать любовь... Сюжет этот присутствует также и в романе г-жи де Сталь «Коринна, или Италия» (1807), восходя к салонной практике замка Коппе.

Квазинаучное открытие месмеризма (животного магнетизма) на рубеже XVIII–XIX вв. также становится предметом театральной демонстрации в салоне научных опытов. В этом смысле можно сказать, что Месмер, вызвавший и в свое время, и впоследствии множество нареканий, своим успехом был обязан прежде всего салону, где основной акцент делался на роли воображения и чувствительности, заложенной в его теории, которая в салонах демонстрировалась на практике¹¹.

Светские игры

Еще одним средством развлечения в салоне были светские игры — буриме, шарады, игра в синонимы. Ими особенно увлекались в XVII в. в прециозных салонах, но как элемент досуга они сохраняли свое значение и во все время существования салонов. В салоне мадам Неккер, например, особо увлекались буриме. Салон госпожи дю Деффан славился пристрастием к игре «в

¹⁰ Термин, восходящий к средневековой геральдике и применяемый в области литературы для обозначения рекурсивной техники письма, подразумевающей эффект отражения друг в друге отдельных элементов повествования (другое обозначения — *металитература*, принцип матрешки, принцип китайских шаров). В архитектуре термином *mise en abyme* по аналогии обозначают эффект бесконечной цепи отражений, возникающий при помощи расположенных друг против друга зеркал (наиболее часто встречается в интерьерах барокко); в живописи иногда именуется *эффектом Дросте* или *эффектом уробороса* (см.: [Dällenbach 1977]).

¹¹ О демонстрации научных опытов в литературных салонах Веймара, в частности в салоне Гёте, госпожи фон Штейн, герцогини Анны Амалии, см.: [Александр I 2016: 260–263].

портрет» (*portrait de société*), подразумевавшей создание и затем угадывание портрета кого-то из присутствующих. Мода на шарады, в разыгрывании которых участвовал и Дидро, относится к 1770-м годам. В своей «Переписке» Гримм воспроизвел одну из гривуазных шарад Буффлера, имевшую большой успех: «*Compassion: Vous avez, Madame, la première partie, j'ai la seconde*»¹² (цит. по: [Lilti 2005: 308]).

В годы перед Революцией получает распространение игра в синонимы — особенно после публикации книги аббата Рубо «Новые французские синонимы» [Roubaud 1785–1786]. Это был своего рода грамматический экзерсис, состоящий в определении в двух синонимах того, что их на самом деле различает, и предполагавший особого рода языковую рефлексию. Впоследствии эта игра спровоцировала немало пародий.

Заключение

Реставрация Бурбонов (1815) возвратила светской жизни былой блеск, и ее центром вновь стало Сен-Жерменское предместье. Именно с этого времени дореволюционное общество Франции представляется как потерянный рай, апогей элегантности и изысканности нравов, а салоны воспринимаются как одно из главных наследий Старого режима. В этом смысле характерна картина Анисета Лемонье «Чтение у госпожи Жоффрен», на которой изображен д'Аламбер, читающий пьесу Вольтера в кругу самой хозяйки, Дидро, Шуазёля, Бюффона и... бюста Вольтера. Картина, которую можно было бы воспринять как относящуюся в XVIII в., была на самом деле заказана в 1814 г. Жозефиной Богарне для своего дворца в Мальмезоне — как символический знак ностальгии по салонам Старого режима и эпохи Просвещения.

Разумеется, на протяжении всего XIX в. салон как определенная форма социального бытия продолжает существовать (особую роль будут играть в Париже, в частности, салоны русских католиков-эмигрантов, например Софии Свечиной, а атмосферой салонной жизни будут наполнены еще и страницы знаменитой эпопеи Марселя Пруста «В поисках утраченного времени»). Но все это выходит за хронологические рамки настоящей работы. И все же с некоторым допущением можно сказать, что уже начиная с периода Реставрации само слово «салон» используется с привкусом ностальгии по ушедшим временам. В середине века представительница высокой аристократии Розали де Ноай будет вспоминать, как ребенком ее водили к княгине (принцессе) де Бово, которая во времена Империи держала салон, где «остатки XVIII века» проигрывали сцены из прошлой жизни. Привычки этого общества пытается воссоздать в своем салоне и графиня де Жанлис. Герцогиня д'Абрантес публикует в 1837 г. серию рассказов под названием «История парижских салонов» [Abrantès 1837], что может быть истолковано и как знак все еще длящейся традиции, и как свидетельство того, что традиция эта становится постепенно достоянием истории.

¹² Дословно (франц.): «*Сострадание*. Вы, сударыня, обладаете первой частью, я — второй». Каламбур здесь основан на фонетическо-омонимии первого слога *compassion* и слова *con* (обозначение вагины) в сочетании со второй частью: *passion* — страсть.

Такие разные авторы, как Стендаль, Бальзак, Барбе д'Оревилли вписывают салоны в культурную память нации, перерастающую узкие пределы мира аристократии. Впрочем, салон на страницах новых романов выступает одновременно и как способ дистанцирования от прошлого — то, что позволяет сравнить «век нынешний и век минувший». В тексте «Второй силуэт женщины» (*Autre étude de femme*, 1839–1842) Бальзак описывает салоны маркизы д'Эспар и мадемуазель де Туш, героинь принципиально разных (своего рода черного и белого лебедя), к которым он и сам по-разному относится. Объединяет же их единственно то упорство, с которым обе продолжают держать салон, служащий последним «убежищем, в котором нашло приют старинное французское остроумие с его скрытой глубиной, с тысячью его уловок и изысканной учтивостью» [Бальзак 1953 (2): 227]¹³, где еще присутствует дух французского прошлого:

Вы можете и в других странах Европы встретить изящные манеры, приветливость, добродушие и образованность; но только в Париже, только в этом салоне, о которых я только что упоминал, вы найдете тот особый ум, который придает всем этим качествам приятное и причудливое единство [Бальзак 1953 (2): 228].

В этом же тексте Бальзак оплакивает и конец великих женщин, которые «могли бы создавать европейские салоны, управлять общественным мнением, выворачивая его, словно перчатку, господствуя над людьми искусства или мысли». Однако в наступившую эпоху эти женщины «покинули поле битвы, считая позорным для себя бороться с буржуазией, опьяненной властью, выступившей на арену и не понимающей, что ее растерзают на куски варвары, которые следуют за ней по пятам» [Бальзак 1953 (2): 245–246]. И в «Утраченных иллюзиях» Люсьен Шардон будет уже читать свою поэму «в собрании диких фигур в причудливых одеяниях» [Там же (6): 86] — перед публикой скучающей и скептической.

Но и Стендаль во многом в сходных тонах опишет общество периода Реставрации, меряющее себя все еще по эталонам XVIII в.: вместе с исчезновением искусства беседы в нем безнадежно изменился и статус дам. Они были богинями, а стали теперь рабынями.

Так из социального локуса, что подпитывал литературу, салон постепенно превращается в один из ее ностальгических сюжетов¹⁴.

¹³ Ср. далее описание салона мадемуазель де Туш: «Там вы еще можете встретить утонченное обхождение, невзирая на условность манер; можете услышать непринужденный разговор, вопреки сдержанности, присущей людям хорошо воспитанным, а главное, — там вы найдете богатство мыслей. Там никто не думает приберечь какую-нибудь свою идею для драмы; никто, слушая рассказ, не намеревается создать из него книгу. Одним словом, там перед вами не возникает поминутно отвратительный скелет литературы, подстерегающей случайную добычу — удачную остроумную фразу или занимательный сюжет» [Бальзак 1953 (2): 227].

¹⁴ Иной была эволюция салонной культуры в Германии, где именно в романтическую и предмартовскую эпоху, перестав быть привилегией аристократического общества, салоны становятся той средой, где рождается литература новейшего времени (см. в особенности главы о «еврейских салонах» в Германии: [Seibert 1993: 102–203]).

Источники

- Александр I 2016 — Александр I, Мария Павловна, Елизавета Алексеевна: Переписка из трех углов (1804–1826). Извлечения из семейной переписки великой княгини Марии Павловны. Дневник [Марии Павловны] 1805–1808 годов / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. Е. Е. Дмитриевой. М.: Нов. лит. обозрение, 2016.
- Бальзак 1953 — *Бальзак О. де*. Собр. соч.: В 15 т. / Пер. с фр. М.: Худ. лит., 1953.
- Делон 2013 — *Делон М.* Искусство жить либертена. Французская либертинская проза XVIII века [Кребийон-сын, Жан-Франсуа Бастид, Виван Денон, Оноре Мирабо, принц де Линь и др.] / Пер. с фр.; Под ред. Е. Дмитриевой. М.: Нов. лит. обозрение, 2013.
- Дидро 1989 — *Дидро Д.* Салоны: В 2 т. / Пер. с фр. М.: Искусство, 1989.
- Дидро 1941 — *Дидро Д.* Избранные философские произведения. М.: Гослитиздат, 1941.
- Мерсье 1935 — *Мерсье Л.-С.* Картины Парижа / Пер. В. А. Барбашевой. Т. 1. М.; Л.: Academia, 1935.
- Ремюза 2011 — *Ремюза, 2-жа*. Мемуары / Пер. с фр. О. И. Рудченко. М.: Захаров, 2011.
- Таллеман де Рео 1974 — *Таллеман де Рео Ж.* Занимательные истории / Пер. с фр.; Изд. подгот. А. Л. Андерс и др. Л.: Наука; Ленингр. отд-е, 1974.
- Abrantès 1837 — *Abrantès L.J. d', duchesse*. Histoire des salons de Paris: tableaux et portraits du grand monde, sous Louis XVI... Paris: Ladvocat, 1837.
- Diderot 1876 — *Diderot D.* Oeuvres complètes. Revue sur des éditions originales. T. 18: Lettres a mademoiselle Volland (1759–1774). Paris: Garnier-Frères, 1876.
- Larousse 1866–1875 — *Larousse P.* Grand Dictionnaire universel du XIX siècle. Paris: Larousse, 1866–1875.
- Marmontel 1891 — *Marmontel J.-F.* Mémoires / Éd. M. Tourneux. T. 2. Paris: Librairie des bibliophiles, 1891.
- Necker 1798 — *Necker S.* Mélanges extraits des manuscrits de Madame Necker / Éd. J. Necker. T. 1–2. Paris: Charles Pougens, 1798.
- Poniatowski 1875 — Correspondance inédite du roi Stanislas-Auguste Poniatowski et de Madame Geoffrin, 1764–1777, précédée d'une étude sur Stanislas-Auguste et sur Madame Geoffrin et accompagnée de nombreuses notes par Charles de Mouÿ. Paris: Plon et Cie, 1875.
- Roubaud 1785–1786 — *Roubaud A., abbé*. Nouveaux synonymes français: 4 t. T. 1. Paris: Chez Moutard, Imprimeur-Libraire de la Reine, 1785–1786.
- Staël 1962 — *Staël, Mme G. de*. Correspondance Générale. T. 1: Lettres de jeunesse / Éd. B.-W. Jasinsky. Paris: J. J. Pauvert, 1962.

Литература

- Абашина 2015 — *Абашина С.* Конференция «Воспитание взгляда: парадоксы Дидро» (Европейский университет в Санкт-Петербурге, 20 декабря 2014 г.) // Новое литературное обозрение. 2015. № 5. С. 428–433.
- Алташина 2015 — *Алташина В. Д.* Художественные салоны во французской литературе // Зарубежная литература. Проблемы метода: Межвуз. сб.: Вып. 8: Литературные модели в историко-теоретической перспективе / Отв. ред. А. А. Чамеев. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2015. С. 5–16.
- Бакаева 2014 — *Бакаева С. А.* Салон как топос женского мира во французской культуре XVIII века // XVIII век: топосы и пейзажи / Отв. ред. Н. Т. Пахсарьян. СПб.: Алетейя, 2014. С. 67–74.
- Блуменау 2003 — *Блуменау С. Ф.* Жак Неккер // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 56–76.
- Вольперт 2004 — *Вольперт Л. И.* Гальяни // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 18–19: Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии» / Редкол.: М. Н. Виролайнен и др. СПб.: Наука, 2004. С. 92.

- Голубков 2017 — Голубков А. В. Прециозность и галантная традиция во французской салонной литературе XVIII века. М.: ИМЛИ РАН, 2017.
- Голубков 2020 — Голубков А. В. Эпистемология чтения во французском романе XVII в. «Прециозница, или Тайна алькова» Мишеля де Пюра // Искусство медленного чтения: Традиция, история, современность: Коллективная монография / Отв. ред. Н. Н. Смирнова. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2020. С. 148–165.
- Дмитриева 2011 — Дмитриева Е. Е. Кодекс поведения «honnête homme» или кодекс либертена? (роман Кребийона-сына «Заблуждения сердца и ума») // Западный сборник: В честь 80-летия Петра Романовича Заборова / [Сост. М. Э. Маликова, Д. В. Токарев]. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2011. С. 106–119.
- Дмитриева 2021 — Дмитриева Е. Е. Почти как в России: усадьба, ставшая местом изгнания «славной госпожи де Сталь» // *Carpe diem*: профессору Александру Анатольевичу Карпову ко дню семидесятилетия / Под ред. Е. Н. Григорьевой [и др.]. СПб.: Росток, 2021. С. 65–75.
- Носко 2015 — Носко К. Г. Образ хозяйки французского салона XVIII в. // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2015. № 2 (56). С. 82–87.
- Носко 2020 — Носко К. Г. Патронаж во французских салонах XVIII в. // Вестник Донецкого национального университета. Сер. Б: Гуманитарные науки. 2020. № 1. С. 44–50.
- Торговкина 2005 — Торговкина Т. А. Речевая культура придворного во французском аристократическом салоне (XVII в.) // Иностранные языки в диалоге культур: экономика, политика, образование: Материалы регион. конф. [Саранск, 29–30 ноября 2005 г.] / Ред.: А. С. Ахиезер и др. Саранск: Копи-центр «Референт», 2005. С. 90–92.
- Хабермас 2017 — Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества: С предисл. к переизд. 1990 г. / Пер. с нем. В. В. Иванова. М.: Весь Мир, 2017.
- Шульман 2011 — Шульман О. И. Французский афоризм как философский жанр: от прошлого к настоящему // Человек. 2011. № 5. С. 73–80.
- Элиас 2002 — Элиас Н. Придворное общество. Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с введением: Социология и история / Пер. с нем. М.: Языки славян. культуры, 2002.
- Batiffol, Gillet 1927 — Batiffol L., Gillet L. Les grands salons littéraires au musée Carnavalet: Conférences du musée Carnavalet. Paris: Musée Carnavalet, 1927.
- Blanc 2006 — Blanc O. Cercles politiques et “salons” du début de la Révolution (1789–1793) // Annales historiques de la Révolution française. N. 344. 2006. P. 63–92.
- Bourguinat 1998 — Bourguinat E. Le siècle du persiflage, 1734–1789. Paris: PUF, 1998.
- Bredin 1999 — Bredin J.-D. Une singulière famille: Jacques Necker, Suzanne Necker et Germaine de Staël. [Paris]: Fayard, 1999.
- Dällenbach 1977 — Dällenbach L. Le récit spéculaire: essai sur la mise en abyme. Paris: Seuil, 1977.
- Fumaroli 1993 — Fumaroli M. La conversation // Les lieux de mémoire, [T.] 2 / Sous la dir. de P. Nora. Paris: Gallimard, 1993. P. 679–743.
- Hellegouarc’h 2000 — Hellegouarc’h J. L’esprit de société: Cercles et “salons” parisiens au XVIIIe siècle. Paris: Garnier, 2000.
- Heyden-Rynsch 1993 — Heyden-Rynsch V. von der. Salons européens — Les beaux moments d’une culture féminine disparue. Paris: Gallimard, 1993.
- Lilti 2005 — Lilti A. Le monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle. Paris: Fayard, 2005.
- Sauval 1724 — Sauval H. Histoire et recherches des antiquités de la ville de Paris. T. 2. Paris: Moette et Chardon, 1724.
- Seibert 1993 — Seibert P. Der literarische Salon. Literatur und Geselligkeit zwischen Aufklärung und Vormärz. Stuttgart; Weimar: J. B. Metzler, 1993.

Snyders 1964 — *Snyders G.* La pédagogie en France aux XVIIe et XVIIIe siècles. Paris: Presses universitaires de France, 1964.

Winock 2010 — *Winock M.* Madame de Staël. Paris: Fayard, 2010.

References

- Abashina, S. (2015). Konferentsiia “Vospitanie vzgliada: paradoksy Didro” (Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge, 20 dekabria 2014 g.) [Conference “Education of the View: Diderot’s Paradoxes” (European University at St. Petersburg, December 20, 2014)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2015(5), 428–433. (In Russian).
- Altashina, V. D. (2015). Khudozhestvennye salony vo frantsuzskoi literature [Art salons in French literature]. In A. A. Chameev (Ed.). *Zarubezhnaia literatura. Problemy metoda: Mezhevuzovskii sbornik* (Vol. 8) *Literaturnye modeli v istoriko-teoreticheskoi perspektive* (pp. 5–16). Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet. (In Russian).
- Bakaeva, S. A. (2014). Salon kak topos zhenskogo mira vo frantsuzskoi kul’ture XVIII veka. [Salon as a topos of the female world in French culture of the 18th century]. In N. T. Pakhsar’ian (Ed.). *XVIII vek: toposy i peizazhi* (pp. 67–74). Aleteia. (In Russian).
- Batiffol, L., & Gillet, L. (1927). *Les grands salons littéraires au musée Carnavalet: Conférences du musée Carnavalet*. Musée Carnavalet. (In French).
- Blanc, O. (2006). Cercles politiques et “salons” du début de la Révolution (1789–1793). *Annales historiques de la Révolution française*, 344, 63–92. (In French).
- Blumenau, S. F. (2003). Zhak Nekker [Jacques Necker]. *Voprosy istorii*, 2003(7), 56–76. (In Russian).
- Bourguinat, E. (1998). *Le siècle du persiflage, 1734–1789*. PUF. (In French).
- Bredin, J.-D. (1999). *Une singulière famille: Jacques Necker, Suzanne Necker et Germaine de Staël*. Fayard. (In French).
- Dällenbach, L. (1977). *Le récit spéculaire: essai sur la mise en abyme*. Seuil. (In French).
- Dmitrieva, E. E. (2011). Kodeks povedeniia “honnête homme” ili kodeks libertena? (roman Krebiiiona-syna “Zabluzhdeniia serdtsa i uma”) [Honnête homme’s code of conduct or a libertine code? (Crebillon-son’s novel “Delusions of the Heart and Mind”)]. In M. E. Malikova, & D. V. Tokarev (Eds.). *Zapadnyi sbornik: V chest’ 80-letii Petra Romanovicha Zaborova* (pp. 106–119). Izdatel’stvo Pushkinskogo Doma. (In Russian).
- Dmitrieva, E. E. (2021). Pochti kak v Rossii: usad’ba, stavshaia mestom izgnaniia “slavnoi gospozhi de Stal’” [Almost like in Russia: the estate that became the place of exile of the “glorious Madame de Staël”]. In E. N. Grigor’eva et al. (Eds.). *Carpe diem: professoru Aleksandru Anatol’evichu Karpovu ko dnu semidesiatiletiia* (pp. 65–75). Rostok. (In Russian).
- Elias, N. (1979). *Die höfische Gesellschaft: Untersuchungen zur Soziologie des Königtums und der höfischen Aristokratie; mit einer Einleitung: Soziologie und Geschichtswissenschaft*. (C. Opitz, Ed.). Luchterhand. (In German).
- Fumaroli, M. (1993). La conversation. In P. Nora (Ed.). *Les lieux de mémoire* (Vol. 3, pp. 679–743). Gallimard. (In French).
- Golubkov, A. V. (2017). *Pretsioznost’ i galantnaia traditsiia vo frantsuzskoi salonnoi literature XVIII veka* [Preciosity and gallant tradition in French salon literature of the 18th century]. IMLI RAN. (In Russian).
- Golubkov, A. V. (2020). Epistemologiiia chteniia vo frantsuzskom romane XVII v. “Pretsioznitsa, ili Taina al’kova” Mishelia de Piura [Epistemology of reading in the French novel of the 17th century. “La précieuse, or the Secret of the Alcove” by Michel de Pura]. In N. N. Smirnova (Ed.). *Iskusstvo medlennogo chteniia: Traditsiia, istoriia, sovremennost’: Kollektivnaia monografiia* (pp. 148–165). Kanon+. ROOI “Reabilitatsiia”. (In Russian).
- Habermass, Ju. (1991). *Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft*. Suhrkamp. (In German).

- Hellegouarc'h, J. (2000). *L'esprit de société: Cercles et "salons" parisiens au XVIIIe siècle*. Garnier. (In French).
- Heyden-Rynsch, V. von der. (1993). *Salons européens — Les beaux moments d'une culture féminine disparue*. Gallimard. (In French).
- Lilti, A. (2005). *Le monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle*. Fayard. (In French).
- Nosko, K. G. (2015). Obraz khoziaiki frantsuzskogo salona XVIII v. [The image of the hostess of the French salon of the 18th century]. *Zhurnal istoricheskikh, politologicheskikh i mezh-dunarodnykh issledovaniy*, 2015(2(No. 56)), 82–87. (In Russian).
- Nosko, K. G. (2020). Patronazh vo frantsuzskikh salonakh XVIII v. [Patronage in French salons of the 18th century]. *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta, Ser. B, Gumanitarnye nauki*, 2020(1), 44–50. (In Russian).
- Sauval, H. (1724). *Histoire et recherches des antiquités de la ville de Paris* (2 vols.). Moette et Chardon. (In French).
- Seibert, P. (1993). *Der literarische Salon. Literatur und Geselligkeit zwischen Aufklärung und Vormärz*. J. B. Metzler. (In German).
- Shul'man, O.I. (2011). Frantsuzskii aforizm kak filosofskii zhanr: ot proshlogo k nastoiashchemu [French Aphorism as a philosophical genre: From the past to the present]. *Chelovek*, 2011(5), 73–80. (In Russian).
- Snyders, G. (1964). *La pédagogie en France aux XVIIe et XVIIIe siècles*. Presses universitaires de France. (In French).
- Torgovkina, T. A. (2005). Rechevaia kul'tura pridvornogo vo frantsuzskom aristokraticheskom salone (XVII v.) [Speech culture of a courtier in the French aristocratic salon (17th century)]. In A. S. Akhiezer et al. (Eds.). *Inostrannye iazyki v dialoge kul'tur: ekonomika, politika, obrazovanie: Materialy regional'noi konferentsii* (pp. 90–92). Kopi-tsentr "Referent". (In Russian).
- Vol'pert L. I. (2004). Gal'iani [Galiani]. In M. N. Virolainen et al. (Eds.). *Pushkin: Issledovaniia i materialy* (Vol. 18–19, p. 92). Nauka. (In Russian).
- Winock, M. (2010). *Madame de Staël*. Fayard. (In French).

* * *

Информация об авторе

Екатерина Евгеньевна Дмитриева
доктор филологических наук
ведущий научный сотрудник, профессор,
Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН
Россия, 117393, Москва, ул. Поварская,
д. 25а
Тел.: +7 (495) 690-50-30
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
Россия, 199034, Санкт-Петербург,
наб. Макарова, д. 4
Тел.: +7 (812) 328-19-01
✉ katiadmitrieva@mail.ru

Information about the author

Ekaterina E. Dmitrieva
Dr. Sci. (Philology)
Leading Research Fellow, Professor,
A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Russia, Moscow, 117393,
Povarskaya Str., 25a
Tel.: +7 (495) 690-50-30
Institute of Russian Literature (Pushkinsky
Dom), Russian Academy of Sciences
Russia, 199034, St.-Petersburg, Makarov
Emb., 4
Tel.: +7 (812) 328-19-01
✉ katiadmitrieva@mail.ru